

В. А. Томсинов

**ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III:
1761–1762 годы
Комментарии**

Опубликовано в издании:

**Законодательство императора Петра III: 1761–1762
годы. Законодательство императрицы Екатерины II:
1762–1782 годы / Составитель и автор вступительных статей В. А.
Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. XI–XXIII.
(Серия “Русское юридическое наследие»).**

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III: 1761–1762 годы

Комментарии

Правление Петра III продолжалось всего шесть месяцев и три дня: он вступил на императорский престол в результате смерти императрицы Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 года, а 28 июня 1762 года был отстранен от власти своей супругой Екатериной Алексеевной. За это время император издал более двух сотен писанных указов¹. Кроме этого, многие повеления его величества издавались в устной форме и объявлялись сенаторами, генерал-прокурором, президентами первых трех коллегий. Именным указом, данным Сенату 22 января 1762 года, Петр III обязал чинить по ним «непременное исполнение» «по всяким материям, кроме лишения живота, чести и имени, и всякого наказания, и раздачи денежных знатных сумм свыше 10.000 рублей, также и награждения деревнями и чинами свыше подполковника»².

В «Полное собрание законов Российской империи» вошло 192 юридических акта, изданных в период правления Петра III, — с № 11 390 по № 11 581³. Первым из них был Манифест «О кончи-

¹ В реестре именных указов Петра III, который хранится в Российском государственном историческом архиве (фонд 1329), упомянуто 220 таких актов.

² Именной указ, данный Сенату 22 января 1762 года, «О непременном исполнении Высочайших повелений, словесно объявляемых Сенаторами, Генерал-Прокурором и Президентами первых трех Коллегий; и о представлении Его Величеству еженедельно точных копий с словесно объявляемых Высочайших повелений, с надлежащею отметкою об исполнении» //1-ПСЗРИ. Том 15. № 11411. С. 889.

³ См.: 1-ПСЗРИ. Том 15. С. 875–1050.

не государыни императрицы Елисаветы Петровны и о вступлении на престол государя императора Петра Третьего», датированный 25 декабря 1761 года¹. Последним актом Петра III стал Именной указ, данный Сенату 26 июня 1762 года, «О сборе денег, розданных в заем из банков Санктпетербургского и Московского, и о недаче заимщикам отсрочки во взнос оных»².

Манифест от 25 декабря 1761 года являлся не только объявлением о смерти Елизаветы Петровны: он был одновременно и документом, подтверждавшим право ее племянника великого князя Петра Федоровича на престол. Согласно Манифесту это право основывалось на принятом императрицей решении утвердить его своим «восприемником и истинным наследником» и последовавшей вслед за этим присяге ему российских подданных «яко истинному российского престола наследнику»³. В данном случае подразумевался изданный Елизаветой Петровной 7 ноября 1742 года Манифест «О назначении Его королевского высочества Петра, владетельного герцога Шлезвиг-Голштинского наследником престола Российского государства, с титулом императорского высочества». Императрица Елизавета Петровна объявляла в нем: «А понеже Мы, всегда о постоянном Нашей Империи и всех наших верноподданных благополучии имея Матернее попечение, и за главное сие причитая, Богу поспешествуя, Всемиловнейше определяем Нашего Императорского Престола наследником Вселюбезнейшего Нашего Племянника, Сына Ее Императорского Высочества, Вседражайшей Сестры Нашей, блаженной памяти Государыни Цесаревны Анны Петровны, Его Королевское Высочество Петра, Владетельного Герцога Шлезвиг-Голштинского, яко по крови Нам ближайшего, которого отныне Великим Князем с титулом Его Императорское Высочество Всемиловнейше именовать повелеваем. И желаем от всех наших верноподданных духовного и мирского чина и всего Всероссийского народа, дабы по сему Нашему соизволению и определению, сего от нас, Всемиловнейше определенного Наследника Племянника Нашего Великого Князя Петра Федоровича, за законного Нашего Наследника признавали и почитали; и во утверждении сего Нашего постановления на сем, обе-

¹ 1-ПСЗРИ. Том 15. № 11390. С. 875.

² Там же. № 11581. С. 1050.

³ См.: стр. 3 настоящего издания.

щением пред Святым алтарем над Святым Евангелием и целованием креста утвердили»¹.

Но сама Елизавета Петровна заняла трон в результате государственного переворота. Поэтому для обоснования права ее племянника на императорскую корону недостаточно было указания на его статус наследника престола: необходимо было оправдать данный переворот. Манифест от 25 декабря 1761 года представил захват Елизаветой Петровной верховной государственной власти возвращением украденного у нее престола. В нем было заявлено, что тетка Петра III, «видя оный по смерти императрицы Анны Иоанновны похищенным, за нужное и должное признала, помощью верных сынов российских, возвратить праведным образом Всероссийский Императорский Престол»².

Кроме того, для утверждения права на императорскую власть в России Петр III использовал свое прямое родство с императором Петром I. Этот аргумент ранее применяла в подобных целях Елизавета Петровна, напоминая в Манифесте о вступлении на всероссийский престол о том, что она является дочерью Петра Великого³. Ее племянник, всходя на престол, особо подчеркивал, что император Петр Великий — его дед и что он будет в своей деятельности «подражать» щедротам Елизаветы Петровны и следовать «стопам премудрого государя».

Между тем наиболее значимые акты в законодательстве императора Петра III выражали собой отход от политики Петра I и его дочери-императрицы. Так, изданный 18 февраля 1762 года Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворян-

¹ Законодательство императрицы Елизаветы Петровны / Составитель и автор вступительной статьи В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009. С. 16.

² См.: стр. 3 настоящего издания.

³ «Все Наши, как духовного, так и светского чинов верные подданные, а особливо Лейб-Гвардии Наши полки, — говорилось в Манифесте Елизаветы Петровны от 25 ноября 1741 года, — всеподданнейше и единогласно Нас просили, дабы Мы, для пресечения всех тех происшедших и впредь опасных беспокойств и не порядков, яко по крови ближняя, Отеческий Наш Престол Всемилостивейше воспринять соизволили, и по тому Нашему законному праву, по близости крови к Самодержавным Нашим всдражайшим Родителям, Государю Императору Петру Великому и Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, и по их всеподданнейшему Наших верных единогласному прошению, тот Наш Отеческий Всероссийский Престол Всемилостивейше воспринять соизволили» (Законодательство императрицы Елизаветы Петровны. С. 1).

ству» начинался с напоминания о том, «какую тягость и коликие труды принужден был сносить» Петр Великий «единственно для благополучия и пользы отечества своего, возводя Россию к совершенному познанию, как военных, гражданских, так и политических дел»¹. Однако освобождение дворянства от обязанности военной службы явно противоречило стремлениям царя-реформатора и императрицы Елизаветы Петровны теснее привязать дворян к государству.

Следует, правда, отметить, что указанное освобождение Петр III обставил целым рядом ограничений. *Во-первых*, дворянам было запрещено увольняться из службы во время военной кампании или за три месяца до ее начала. *Во-вторых*, право на увольнение из военной службы не предоставлялось дворянам, которые находились в нижних чинах менее обер-офицера, если они не выслужили 12 лет. *В-третьих*, отъехавшие после увольнения из службы в другие европейские государства были обязаны, согласно Манифесту от 18 февраля 1762 года, немедленно явиться в свое отечество, «когда только о том учинено будет надлежащее обнародование». В случае неисполнения дворянином высочайшего повеления о возвращении в Россию он мог лишиться своего имения.

Подлинный смысл рассматриваемого Манифеста раскрывается в его заключительной части, а именно: в словах, выражающих надежду императора на то, что «все благородное российское дворянство», почувствовав по отношению к себе и своим потомкам щедроты его величества, «побуждены будут не удаляться, ниже укрываться от службы, но с ревностью и желанием в оную вступать, и честным и неззорным образом оную по крайней мере продолжать, не меньше и детей своих с прилежностью и рачением обучать благопристойным наукам»². Одновременно Петр III повелевал всем своим подданным «презирать и уничтожать» тех из дворян, которые «в лености и праздности все время препровождать будут» и не станут «детей своих в пользу отечества своего ни в какие полезные науки не употреблять». При этом государь объявлял, что приезд таких дворян к его двору и участие их в публичных собраниях и торжествах не будут им терпимы.

Таким образом, освобождая дворян от обязанности военной службы, Манифест от 18 февраля 1762 года побуждал их не к вы-

¹ См.: стр. 7 настоящего издания.

² См.: стр. 11 настоящего издания.

ходу в отставку для ведения праздной жизни, а к службе государству — на армейском или гражданском поприще. Петр III не отказывался от принуждения дворянства к государственной службе, но в отличие от Петра I и Елизаветы Петровны считал необходимым использовать для этого в новых условиях преимущественно косвенные методы.

Мысль об издании Манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» возникла у Петра III, скорее всего, сразу после его восшествия на престол. Сохранился протокол заседания Правительствующего Сената, состоявшегося 17 января 1762 года, во время которого император заявил: «Дворянам службу продолжать по своей воле, сколько и где пожелают, и когда военное время будет, то они все явиться должны на таком основании, как и в Лифляндии с дворянами поступается»¹. Генерал-прокурор А. И. Глебов на следующий день предложил Сенату «в знак от дворянства благодарности за оказанную к ним всевысочайшую милость о продолжении их службы по своей воле, где пожелают, сделать его импер[аторского] величества золотую статую, расположа от всего дворянства, и о том подать его импер[аторскому] величеству доклад». Сенат откликнулся на это предложение и составил доклад, но Петр III его не утвердил, сказав при этом: «Сенат может дать золоту лучшее назначение, а я своим царствованием надеюсь воздвигнуть более долговечный памятник в сердцах моих подданных»².

В памфлете Михаила Михайловича Щербатова (1733–1790) «О повреждении нравов в России» появление Манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» было представлено в анекдотическом свете. Якобы в ночь с 17 на 18 февраля 1762 года Петр III имел свидание с княгиней Еленой Степановной Куракиной. Дабы скрыть его от своей постоянной любовницы графини Елизаветы Романовны Воронцовой, император сказал в ее присутствии своему секретарю Дмитрию Васильевичу Волкову, «что он имеет с ним сию ночь препроводить в исполнении известного им важного дела в рассуждении благоустройства государства. Ночь пришла, государь пошел веселиться с княгиней Куракиной, сказав Волкову, чтобы он к завтраму какое знатное узаконение написал, и был

¹ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 13. СПб., 1865. С. 12.

² Там же.

заперт в пустую комнату с датскою собакой. Волков, не зная ни причины, ни намерения государского, не знал о чем начать писать, а писать надобно. Но как он был человек догадливый, то вспомнил не редкие вытвержения государю от графа Романа Ларионовича Воронцова о вольности дворянства; сядши, написал манифест о сем. Поутру его из заключения выпустили, и манифест был государем апробован и обнародован»¹.

Правдивость данного рассказа не может не вызывать сомнений. В своем оправдательном письме к Г. Г. Орлову, написанном после восшествия на престол Екатерины II, 10 июля 1762 года, Д. В. Волков сообщал: «Что ж до внутренних дел надлежит, то главные моих трудов суть три: 1) о монастырских вотчинах; 2) о тайной канцелярии, и 3) пространный указ о коммерции»². Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» был весьма значимым законодательным актом, но секретарь Петра III не назвал его в числе своих главных дел. Есть основания считать, что в действительности текст этого документа был составлен генерал-прокурором А. И. Глебовым³.

Историк С. М. Соловьев, выражая свои сомнения относительно достоверности рассказа М. М. Щербатова, тем не менее считал его важным, поскольку в нем раскрывалось имя человека, который внушил Петру III мысль об освобождении дворянства от обязанности военной службы. При этом историк отмечал, что к установлению для дворян нового порядка военной службы самодержавную власть подталкивали в первую очередь объективные обстоятельства. «С одной стороны, слышались сильные жалобы, что дворяне, обязанные вечною службою, не могут заниматься устройством своих имений; с другой стороны, недостаток в людях, необходимость для государства поддержать свое значение и выгоды многочисленным регулярным войском не позволяли ему освободить дворян от обязательной службы. Давно уже принимались меры для соглашения интересов государства с интересами землевладельцев: продол-

¹ Щербатов М. М. О повреждении нравов в России // О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева с предисловием Искандера (А. И. Герцена. — В. Т.). London, 1858. С. 77–78.

² Письма Д. В. Волкова к Г. Г. Орлову // Русская старина. 1874. Том 11. С. 484.

³ См. об этом: Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Свод материала и приуготовительные этюды для исторического исследования. СПб., 1870. С. 192.

жительные отпуска при Екатерине I, сокращение срока службы при Анне»¹.

Дворянство являлось одновременно сословием землевладельцев и служилых людей. Эта двойственность дворянского статуса и породила противоречие, которое с течением времени обострялось все сильнее. В XVII веке дворяне и помыслить не могли об освобождении от службы государству или хотя бы о каком-то ограничении ее. «Не промолвило об этом ни слова шляхество и при Петре Великом, который ежечасно ему твердил, что служба государству — первая его обязанность, *ради которой оно благородно и отлично от подлости*»². Первую попытку заявить о своем желании ограничить обязательную службу государству русское дворянство предприняло, пожалуй, лишь в 1730 году, при восшествии на престол Анны Иоанновны³. В мнениях, поданных тогда дворянами, предлагалось в числе разных мер, обеспечивающих их личные и имущественные права, ограничение срока дворянской службы двадцатью годами. Но императрица не приняла этого предложения, опасаясь оставить государство без надлежащего количества служилых людей. О том, что данное опасение имело под собой почву, свидетельствует письмо А. П. Волынского к своему дальнему родственнику С. А. Салтыкову⁴, написанное, по всей видимости, в апреле 1730 года. Артемий Петрович занимал в то время должность Казанского губернатора, а Семен Андреевич пребывал в Москве. Будучи майром лейб-гвардии Преображенского полка, Салтыков активно выступил против попыток ограничить власть Анны Иоанновны и был за это возведен ею в чин подполковника гвардии и в звание генерал-аншефа. А. П. Волынский также поддерживал Анну Иоанновну в ее стремлении сохранить самодержавную власть в России. «Слышно здесь, что делается у вас, или уже сделано, чтоб быть у нас республики, —

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 13. С. 14.

² Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. С. 187.

³ См. историю этого восшествия: Томсинов В. А. Междоусобие 1730 года в России и восшествие Анны Иоанновны на императорский престол // Законодательство императрицы Анны Иоанновны / Составление и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009. С. XV–XL.

⁴ Супруга С. А. Салтыкова Фекла Яковлевна происходила из рода Волынских: ее дед — Семен Иванович Волынский — приходился родным братом прадеду Артемия Петровича Волынского — Степану Ивановичу.

писал он из Казани в Москву С. А. Салтыкову. — Я zelo в том сумнителен. Боже, сохрани, чтоб не сделалось, вместо одного самодержавного государя, десяти самовластных и сильных фамилий, и так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать, да еще и сыскать будет трудно, понеже ныне между главными, как бы согласно ни было, однако ж впредь, конечно, у них без разборов не будет; и так один будет миловать, а другие на того яряся, вредить и губить станут»¹. По мнению Артемия Петровича, самодержавное правление в большей мере отвечало интересам дворянства, нежели власть, ограниченная кондициями. Предложение же освободить дворян от обязательной военной службы он отвергал как опасное для государства и государственного порядка. «Еще же слышно, что делается воля к службе, — сообщал он С. А. Салтыкову, — и правда, что в неволю служить zelo тяжело. Но ежели и вовсе волю дать, известно вам, что народ наш не вовсе честолюбив, но паче ленив и нетрудолюб, и для того если некоторого принуждения не будет, то, конечно, и такие, которые в своем доме едят один ржаной хлеб, не похотят через свой труд получать ни чести, ни довольной пищи, кроме что всяк захочет лежать в своем доме, разве останутца одни холопи и крестьяне наши, которых принуждены будем производить, с тое чести надлежащие места отдавать им, и таких на свою шею насажаем непотребных, от которых впредь самим нам места не будет, и весь воинский порядок у себя, конечно, потеряем. Притом же под властью таких командиров, Боже сохрани, так яснотворованы будут солдаты, что злее стрельцов будут. И как может команду содержать или от каких шалостей унять одному генералитету, ежли в полках не будет добрых офицеров? Если и то, ежели из армии из рядовых выпущено будет подлое шляхетство, то уже им трудами своими от земли питать себя не привыкнуть, для того разве редкой будет получать хлеб свой от своих трудов, а протчие большая часть разбоями и грабежами прибылей себе искать станут и воровские пристани у себя в домех держать будут; и для того хотя б и выпускал, однако ж, по моему мнению, разве с таким рассмотрением, чтоб за кем было 50, а по последней мере 30 дворов, да и то, чтоб

¹ Цит. по: И. Ч. Дело Салникова // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Повременное издание под заведыванием О. М. Бодянского. 1868. Кн. 3. Отд. V. Смесь. С. 28.

он несколько лет выслужил, и молодые и шаткие свои лета пробыл под страхом, а не на своей воле прожил»¹.

31 декабря 1736 года императрица Анна Иоанновна издала Манифест «О порядке приема в службу шляхетских детей и увольнения от оной»². В нем учинялся новый порядок государственной службы дворян, призванный согласить между собой интересы содержания дворянского хозяйства с пользой государства. Во-первых, одному из братьев дозволялось «остаться в доме для содержания экономии»³. Во-вторых, срок службы ограничивался двадцатью пятью годами, считая с двадцатилетнего возраста (всем дворянам от 7 до 20 лет предписывалось «быть в науках», т. е. учиться). В-третьих, дворянам, которые явятся к службе неспособными вследствие имеющих у них болезней или ран, позволялось уходить в отставку до истечения двадцатипятилетнего срока службы. В-четвертых, дворяне, оставшиеся дома или вышедшие в отставку, обязывались дать из своих крепостных людей рекрутов для армии — по одному человеку от каждой сотни принадлежавших им душ. В-пятых, отслужившие назначенный срок выходили в отставку с повышением одного ранга.

Введение данного Манифеста в действие было отсрочено до окончания войны с турками («А понеже ныне с турками война, и для того отставку по вышеписанному в урочные лета чинить, по окончании той турецкой войны»⁴, — говорилось в заключительной его части). 14 февраля 1740 года вышел Манифест «О мире с Турцией», возвестивший о победе русского оружия и войск в этой войне⁵, и в тот же день императрицей был издан Именной указ, данный Сенату, о подтверждении Указа от 31 декабря 1736 года о шляхетстве. Анна Иоан-

¹ И. Ч. Дело Салникова. С. 29.

² См. его полный текст в издании: Законодательство императрицы Анны Иоанновны. С. 173–174.

³ Там же. С. 173.

⁴ Там же. С. 174.

⁵ Дословно в Манифесте говорилось об этом следующее: «Праведное Наше оружие и храбрые Наши войска Его Божескою милостию и вспоможением, не токмо бывшего неприятеля от Наших границ отдалили, но и внутрь его земли взятием славных городов и крепостей, и совершенным прогнанием и разбитием сопротивляющихся армий всегда такие знатнейшие победы и виктории одерживали, что все происхождения в сей войне не инако, как к бессмертной славе Нашей и Нашего Всероссийского народа и Империи служить имеют» (Законодательство императрицы Анны Иоанновны. М.: Зерцало, 2009. С. 229).

новна повелела подтвердить печатными манифестами по всей империи, что этот Указ должен быть «от сего числа в совершенной своей силе и действе» и всем его содержанием русское шляхество и подданные «пользоваться имеют и могут»¹.

26 апреля 1740 года высочайшей резолюцией на докладе Военной коллегии об отставке офицеров из воинской службы по выслуге 25 лет было повелено отпускать с военной службы дворян, которые «никого кроме себя для экономии в домах не имеют и пожелают получить себе отставку для оной своей экономии»². При этом они должны были дать рекрут из своих крепостных людей — по человеку с каждой сотни имевшихся у них душ.

Попытка урегулировать вопрос о службе дворян государству предпринималась и в период правления императрицы Елизаветы Петровны. 24 августа 1754 года Сенатским указом была учреждена Комиссия «для лучшего и скорейшего рассмотрения Уложения и указов»³. На нее была возложена задача сочинения проекта нового Уложения из четырех частей⁴. Н. Л. Рубинштейн, исследовавший в архиве раздел этого проекта, посвященный статусу подданных, обнаружил в нем статьи, фактически отменявшие обязательность военной службы дворянства. «Дворянское законодательство Петра III и прежде всего известный манифест... — сделал вывод данный историк, — оказывается простой реализацией мероприятий, подготовленных еще при Елизавете Петровне»⁵. Думается, вывод этот слишком категоричен. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в состав комиссии по разработке указанного проекта нового Уложения входил А. И. Глебов, в то время занимавший должность обер-секретаря Правительствующего Сената⁶. А как уже отмечалось, именно он был со-

¹ 1-ПСЗРИ. Том 11. № 8021. С. 34.

² 1-ПСЗРИ. Том 11. № 8081. С. 95.

³ Законодательство императрицы Елизаветы Петровны. С. 147.

⁴ См. об этом: *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII веке. М.: Зерцало-М, 2010. С. 199–201.

⁵ См.: *Рубинштейн Н. Л.* Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» // *Исторические записки.* М., 1951. Том 38. С. 250.

⁶ См.: Сенатский указ от 24 августа 1754 года «О сочинении по судебным местам проектов Уложения, по плану прилагаемому и о представлении таковых же проектов из Коллегий с их мнениями и планами на рассмотрение Сената» // *Законодательство императрицы Елизаветы Петровны.* С. 147.

ставителем текста Манифеста Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству».

Главным недостатком данного Манифеста было отсутствие в нем ограничений против выхода в отставку слишком большого числа дворян. Однако практика выхода в отставку показывает, что рост числа увольнявшихся с военной службы дворян оказался значительным только в первые пять лет после издания этого акта. Если в 50-е годы XVIII века из армии уходило в отставку в среднем по 250 дворян в год, то в 1762 году ушло 473 человека, в 1763-м — 708, в 1764-м — 820, в 1765-м — 917, в 1766-м — 1010, в 1767-м — 754. В последующие годы количество увольнений уменьшилось¹.

Манифест от 18 февраля 1762 года изменил характер дворянства. Из служилого сословия оно стало превращаться преимущественно в сословие землевладельцев. В России возникли такие явления, как дворянские усадьбы и дворянская культура. Вместе с тем освобождение дворянства от обязательной военной службы и появление большого количества молодых дворян в провинции позволило самодержавной власти начать перестройку провинциального управления на новых началах. Губернская реформа Екатерины II была невозможна без Манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству».

21 февраля 1762 года, то есть всего через три дня после издания указанного законодательного акта, Петр III подписал Манифест об уничтожении Тайной розыскной канцелярии. Его составителем был Д. В. Волков. Факт написания данного Манифеста секретарь Петра III признавал самолично и, более того, ставил себе это в заслугу.

Тайная розыскная канцелярия была учреждена Петром I в 1718 году. Царского указа об этом не сохранилось, и, скорей всего, такового и не было издано. Данный орган возник, по всей видимости, сам собою, в процессе расследования дела царевича Алексея Петровича. В записной книге Санктпетербургской крепости сохранилась следующая заметка, датированная 28 апреля 1718 года: «Ордер

¹ См. об этом: *Фаизова И. В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 112. Автор получила приведенные цифры, как она сама отмечает (с. 20), просмотрев «документы о службе 9173 дворян, собранные в результате сплошного изучения документов 61 книги текущего учета дворянской службы за 1753, 1755, 1762–1771 гг.», которые хранятся в Российском государственном архиве древних актов.

за подписанием его ж светлости о присылке к его превосходительству тайному советнику и кавалеру господину Толстому *в канцелярию его ведения* подполковника Белоутова для допросу во свидетельстве»¹. Эта заметка является, пожалуй, самым ранним документальным свидетельством существования Тайной розыскной канцелярии. Еще одна запись в той же книге относится к началу июня. Она гласит: «В 5-ое июня съехали в гарнизон пополуночи в 10 часу в губернаторский дом, где учреждена Канцелярия Его Государственных Тайных Дел, господа сенаторы и министры»².

Первое упоминание Тайной канцелярии в законодательстве относится к 28 мая 1726 года. В изданном в этот день на имя действительного тайного советника графа Толстого Именном указе императрицы Екатерины I «О заведывании Тайной канцелярией князю Ромодановскому» говорилось: «Понеже Тайная канцелярия блаженной и высокославной памяти при Его Императорском Величестве, Нашем вселюбезнейшем супруге и государе в прошлом 1718 году учинена была на время для случившихся тогда чрезвычайных тайных розыскных дел...»³. Под последними подразумевались следственные дела относительно сына Петра I великого князя Алексея Петровича, которые вершились с февраля 1718 года под руководством графа П. А. Толстого.

Факт возникновения Тайной розыскной канцелярии в процессе расследования именно этих дел был скрыт в Манифесте Петра III о ее уничтожении. Учреждение данного органа было представлено в виде реакции Петра I на «неисправленные еще в народе нравы». При этом жестокий царь-реформатор, обрешивший на пытки и гибель собственного сына за то, что он считал отцовские реформы преступлением против русского народа, был назван «монархом великодушным и человеколюбивым».

Передача Тайной канцелярии высочайшим указом от 28 мая 1726 года в ведение Ивана Федоровича Ромодановского, руководившего Преображенским приказом, означало фактическую ликвидацию Тайной канцелярии в качестве самостоятельного государственного органа. Однако 6 апреля 1731 года для разбирательства дел

¹ Цит. по: *Веретенников В. И.* История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910. С. 85.

² Цит. по: Там же. С. 83.

³ 1-ПСЗРИ. Том 7. № 4892. С. 653.

о посягательстве на государеву честь и особу была снова учреждена Канцелярия тайных розыскных дел¹.

Манифест Петра III от 21 февраля 1762 года представил уничтожение Тайной канцелярии розыскных дел в качестве акта императорского «человеколюбия и милосердия», предпринятого с целью оградить неповинных людей от напрасных арестов и нередких истязаний. Дела, которые находились в ведении данной канцелярии, передавались в Сенат, где они должны были, «смотря по важности», рассматриваться и решаться. При этом был установлен запрет на произнесение выражения «слово и дело», которым начиналось прежде преследование того или иного человека за государственную измену в Тайной канцелярии розыскных дел. Того, кто его употреблял, Петр III повелел наказывать как «озорников и бесчинников».

Завершался Манифест об уничтожении Тайной канцелярии розыскных дел весьма удивительной для России того времени сентенцией. Император обращался к Сенату и к своим подданным с просьбой вносить предложения для дальнейшего пресечения несправедливых доносов, преследования невиновных, обнаружения преступников «кратким и надежным образом без кровопролития». Петр III заверял, что такие предложения не только дозволяются, но будут приняты им как «самая наибольшая услуга». Вместе с тем государь выражал надежду на то, что подданные Российской империи, чувствуя его отеческую к себе милость и милосердие, соединят свои желания о благополучии его Императорского Дома и всего отечества с желаниями его величества, и «прилежа каждый к исправлению и наблюдению своего звания и присяги, сделаются через то единодушными, и истребя злобу, зависть и несогласия, неминуемо привлекут на себя благословение Господне, и одним словом так проживут, как каждого честь и долг требует», и как того усердно желает и верно надеется император.

Законодательные акты Петра III были проникнуты возвышенным духом человеколюбия и приверженности к отечеству. И можно только пожалеть о том, что судьба оказалась столь жестокой к этому необычному для России государю.

¹ См.: Сенатский указ от 6 апреля 1731 года «Об учреждении Канцелярии, для дел, переданных по Именному указу 24 марта в ведомство генерала Ушакова; о именовании оной Канцеляриию Тайных розыскных дел и о сношениях оной Канцелярии с Коллегиями» // 1-ПСЗРИ. Том 8. № 5738. С. 448–449.